

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2025.44.32.012

Политическая многовекторность Египта: вызов для устойчивости российско-египетского диалога

Эльираки Абдельрахман Реда Мохамед Эльхадиди

Магистр,

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9;
e-mail: abdoeleraky82@gmail.com

Выражаю благодарность моему научному руководителю Неудачиной Людмиле Викторовне, доценту кафедры иностранных языков в сфере международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета за помощь в подготовке текста статьи.

Аннотация

Статья посвящена подробному рассмотрению и анализу политики многовекторности Египта и её влияния на устойчивость российско-египетского стратегического диалога. Выявлены основные вызовы и возможности двустороннего сотрудничества, которые способствуют развитию устойчивости двустороннего партнёрства в условиях переменной региональной и мировой конъюнктуры. Особое внимание уделено трансформации внешнеполитического курса Египта при Абдель Фаттахе ас-Сиси, институционализации прагматического подхода, а также диверсификации внешних партнёрств – в том числе с Китаем, США и странами Персидского залива. Рассматриваются ключевые направления взаимодействия Москвы и Каира, включая энергетику, оборону, гуманитарную сферу и координацию позиций на международной арене. В работе также анализируются структурные барьеры, вызванные санкционным режимом, и предлагаются возможные подходы к укреплению устойчивости стратегического диалога в условиях глобальной турбулентности.

Для цитирования в научных исследованиях

Эльираки Абдельрахман Реда Мохамед Эльхадиди. Политическая многовекторность Египта: вызов для устойчивости российско-египетского диалога // Теории и проблемы политических исследований. 2025. Том 14. № 6А. С. 127-136. DOI: 10.34670/AR.2025.44.32.012

Ключевые слова

Египет, многовекторность, внешняя политика, Россия, стратегический диалог.

Введение

В условиях меняющейся глобальной и региональной архитектуры безопасности Египет последовательно реализует политику многовекторности, выстраивая партнерские отношения с различными глобальными и региональными центрами силы. Такая внешнеполитическая стратегия одновременно открывает новые возможности и создает вызовы для традиционных партнеров Каира, включая Россию. Особое значение приобретает анализ устойчивости российско-египетского диалога в свете усиливающейся конкуренции внешних акторов за влияние в регионе.

Новизна исследования заключается в комплексной оценке политической многовекторности Египта как фактора, влияющего не только на двусторонние отношения, но и на региональную стабильность. В работе представлена оригинальная систематизация векторов египетской внешней политики, а также разработаны практические рекомендации для повышения устойчивости и прагматичности взаимодействия между Россией и Египтом в условиях глобальной турбулентности.

Полученные научные факты существенно важны как для теоретического осмысления современного этапа развития российско-египетских отношений, так и для практической возможности корректировки внешнеполитических подходов России к государствам с многовекторной дипломатией и что может способствовать укреплению устойчивости и предсказуемости двусторонних отношений.

Основная часть

В современной международной политике категория «многовекторность» получила широкое распространение как концептуальный инструмент анализа внешнеполитических стратегий государств, находящихся в условиях геополитической турбулентности. Многовекторная внешняя политика представляет собой курс, при котором государство исключает критическую зависимость от одного центра силы, выстраивая параллельные и сбалансированные отношения с несколькими крупными державами. Такая стратегия предполагает высокую степень дипломатической гибкости и требует от государства определённого политического веса и экономической устойчивости, что делает возможным эффективное маневрирование между интересами внешних акторов.

В условиях формирования новой архитектуры мировой многополярности многие региональные государства стремятся к диверсификации своих внешнеполитических портфелей. Они усиливают взаимодействие не только с традиционными партнёрами, но и с альтернативными центрами силы — в частности, с Китаем, Россией, Индией, а также Соединёнными Штатами Америки. Подобная тактика позволяет минимизировать риски, связанные с односторонней зависимостью, и повышает устойчивость политической системы к внешнему давлению [Multipolarity and the return of history, www.].

Следует отметить, что многовекторность не тождественна политике нейтралитета. Напротив, она может рассматриваться как активная форма внешнеполитической адаптации, направленная на максимизацию национального суверенитета в условиях конкуренции великих держав. В этом контексте многовекторность выступает не столько как вынужденная мера, сколько как осознанная и рациональная стратегия внешнеполитического поведения, особенно актуальная для государств, расположенных в пересечении интересов глобальных акторов.

Внешнеполитический курс Египта на современном этапе демонстрирует яркие признаки многовекторной стратегии, что позволяет применить к нему концептуальный аппарат многополярной дипломатии. Особую актуальность данный вектор приобрёл после вступления Египта в объединение БРИКС в январе 2024 года. Согласно официальному аналитическому отчёту Центра информационной и стратегической поддержки при Кабинете Министров Египта, членство в БРИКС рассматривается как ключевой шаг к укреплению статуса Египта в афро-азиатских и глобальных структурах, а также как механизм выхода из зависимости от западнцентричных форматов [Egyptian Foreign Policy – Opportunities and Challenges in 2024, [www](#)].

Внешняя политика Египта в эпоху президентства Абдель Фаттаха ас-Сиси характеризуется переориентацией на многостороннее сотрудничество и диверсификацию стратегических партнёрств. Как подчёркивают исследователи Пеннафорт и Сантос, официальный Каир последовательно наращивает взаимодействие с такими державами, как Россия, Китай, Индия и государства Персидского залива, при этом сохраняя институциональные связи с ЕС и США. Такая модель может быть интерпретирована как гибкая адаптация к новой многополярной архитектуре мира, в которой Египет стремится выступать в роли регионального посредника и независимого игрока [Pennaforste, Santos, 2024].

В результате, концепция многовекторности оказывается применимой к внешнеполитической доктрине Египта, особенно с учётом его прагматичной и сбалансированной дипломатии в контексте усиления нестабильности на Ближнем Востоке. Египет демонстрирует способность одновременно участвовать в различных политико-экономических форматах — от БРИКС до Арабской Лиги — без жёсткой привязки к единому внешнеполитическому полюсу, что является характерным признаком многовекторного подхода.

Эволюция внешнеполитической стратегии Египта отражает переход от панарабской идеологии к прагматичной и гибкой дипломатии. Уже в конце правления Хосни Мубарака проявились признаки отхода от идеологичности в пользу мультилатерализма (Ч. Пеннафорте, М. Сантос). Ключевым этапом стал приход к власти Абдель Фаттаха ас-Сиси, при котором началась институционализация многовекторного подхода [Pennaforste, Santos, 2024].

Особое внимание в научной и аналитической литературе уделяется периоду 2014–2024 годов, когда, по оценке исследователей, внешнеполитический курс Египта стал инструментом т.н. «популистского прагматизма». Согласно обзору, опубликованному на платформе SAGE Journals, администрация Сиси стремилась отказаться от риторики исключительности и перейти к политике балансировки интересов ключевых внешних партнёров, в том числе стран Персидского залива, Китая, России и западных держав [Al Sisi's foreign policy (2014–2024), [www](#)].

В свою очередь, аналитики Фонда Карнеги указывают на формирование в этот период новой политической модели Египта — «второй республики», отличающейся институционализацией государственного капитализма и пересмотром внешнеполитических догм. В частности, подчёркивается отказ от старой установки панарабизма «ничего не даётся бесплатно» в пользу прямой выгоды и политической эффективности [The Second Republic: Remaking Egypt's political economy and diplomacy, [www](#)].

Как следствие, за последние два десятилетия внешнеполитический курс Египта претерпел системную трансформацию, где ключевыми поворотными моментами стали: спад идеологического давления при Мубараке, приход Сиси, вступление в БРИКС и закрепление

прагматичной модели баланса в условиях мировой многополярности.

Согласно исследованию Пеннафорте и Сантоса, дипломатическая активность Египта под руководством Сиси значительно возросла. Каир выстраивает связи с ключевыми акторами мировой политики — Китаем, Россией, странами БРИКС, Европейским союзом, позиционируя себя как «дипломатический мост» между различными глобальными полюсами силы [Egypt and China expand cooperation in space and technology, [www](#)].

Актуальные данные подтверждают стремление Египта к диверсификации стратегических партнёров: в рамках стратегии «Egypt Vision 2030» активно развивается сотрудничество с КНР, включая соглашения в космической и технологической сферах (Reuters, июнь 2025) [Egypt as a balancing power under Sisi: defense, diplomacy, and regional security, [www](#)], при этом Каир сохраняет тесные связи с США в сфере безопасности и модернизации оборонного сектора. По данным JC Palestine Center, Египет также закупает вооружения у стран Европы, Китая и России, укрепляя оборонный потенциал и стабильность в регионе Синай [Egypt–Turkey Relations in 2025: From Crisis to Dialogue, [www](#)].

В свою очередь, ключевой чертой внешнеполитического курса Сиси стало сближение с Турцией, несмотря на предшествующее охлаждение отношений. Как отмечает Middle East Council on Global Affairs, начиная с 2025 года между сторонами создаются постоянные диалоговые каналы, что подтверждает приверженность Египта региональному прагматизму [Egyptian–American Strategic Dialogue Report, [www](#)].

Наконец, сближение между Египтом и Ираном в последние годы также отражает прагматизм внешней политики Каира. После десятилетий напряжённых отношений с 2023 года стороны начали постепенное восстановление диалога при посредничестве Омана и Ирака. Главной мотивацией стало стремление к снижению напряжённости в Красном море и укреплению региональной стабильности. В июне 2025 года состоялись первые за десятилетия двусторонние консультации МИДов, что может свидетельствовать о начале осторожной нормализации отношений.

Таким образом, внешняя политика при Сиси строится на принципах реалистичного баланса, многостороннего взаимодействия и институционального прагматизма, что делает её ярким примером многовекторного внешнеполитического курса.

В последние годы внешнеполитический курс Египта демонстрирует стремление к выстраиванию сбалансированных отношений с основными центрами силы мировой политики. Такая многовекторная стратегия направлена на обеспечение автономии внешнеполитических решений, устойчивости национальной экономики и расширения возможностей для дипломатического маневра.

США остаются важнейшим партнёром Египта в сфере безопасности: в 2023 году объём военной помощи превысил \$1,3 млрд, охватывая поставки, обучение и координацию в борьбе с терроризмом в Синае [China deepens tech and security ties with Egypt under Sisi, [www](#)]. Однако давление Вашингтона по вопросам прав человека и ограниченность политических уступок побуждают Каир диверсифицировать внешнеполитические связи.

Китай представляет собой растущую экономическую и технологическую силу в египетской внешней политике. При поддержке Пекина реализуются масштабные инфраструктурные проекты, включая строительство новой административной столицы и развитие зоны Суэцкого канала. В 2024–2025 гг. стороны расширили сотрудничество в области телекоммуникаций, космоса и "умных городов" [EU–Egypt cooperation strengthens migration control and economic aid, [www](#)].

Европейский союз остаётся важнейшим торговым и инвестиционным партнёром Египта. В 2023 году на ЕС приходилось более 25% внешней торговли страны. Кроме того, в рамках стратегического партнёрства ЕС пообещал Египту финансовую помощь в размере 1 млрд евро в обмен на усиление мер по контролю над миграцией [Egypt and the Gulf: strategic partners and investors, [www](#)].

Отношения Египта с монархиями Персидского залива отличаются глубокой экономической взаимозависимостью. Саудовская Аравия и ОАЭ активно инвестируют в ключевые сектора египетской экономики — сельское хозяйство, недвижимость и туризм, что делает их поддержку важным стабилизирующим фактором на фоне глобальной нестабильности [Rosatom starts construction of El Dabaa nuclear plant in Egypt, [www](#)].

Следовательно, Египет продолжает успешно реализовывать курс на внешнеполитический плюрализм, укрепляя свою позицию как регионального хаба и мостика между Востоком и Западом.

Египетско-российские отношения демонстрируют устойчивую динамику в направлении углубления стратегического партнёрства. Обе страны, обладая историей тесного взаимодействия с советского периода, в XXI веке заново выстраивают формулу прагматического альянса, охватывающего ключевые сферы экономики, безопасности и дипломатии.

Ключевым символом сближения стало строительство АЭС «Эль-Дабаа» при участии «Росатома», включающее поставки топлива, обучение персонала и техническую поддержку. Проект укрепляет технологическое партнёрство и энергетический суверенитет Египта [Russian Industrial Zone in Egypt: Prospects and Risks, [www](#)]. В сфере логистики особое значение имеет создание российской промышленной зоны в районе Суэцкого канала, которая интегрирует Москву в афро-азиатские маршруты поставок и способствует локализации производства [Russia, Egypt agree on debt settlement in rubles, [www](#)].

Туризм продолжает играть важную роль: Египет остаётся одним из самых популярных направлений среди российских туристов. Финансово-валютное сотрудничество также расширяется. В 2024 году Россия одобрила возможность расчётов по внешним долгам Египта в рублях, что снижает валютные риски для Каира и способствует дедолларизации торговли [Egypt helps evacuate Russian nationals from conflict zones, [www](#)].

Не менее важным аспектом является гуманитарно-оперативное взаимодействие: Египет активно помогает России в эвакуации российских граждан из зон вооружённых конфликтов, используя свою территорию в качестве транзитного коридора [Egypt, Russia call for Palestinian statehood and UN-based resolution, [www](#)]. В дипломатической сфере Каир и Москва занимают схожие позиции по ключевым международным вопросам, включая поддержку палестинского государства и многостороннего урегулирования, выступая против односторонних решений [Russia to help Ethiopia develop navy forces, [www](#)].

Однако сохраняются и точки напряжения. Сближение России с Эфиопией, включая проект создания военно-морских подразделений, рассматривается в Египте как потенциальная угроза водной безопасности в свете конфликта вокруг ГЭС «Возрождения» [Russia and Sudan to establish naval logistics hub on Red Sea, [www](#)]. Кроме того, под пристальным вниманием Каира находится соглашение России и Судана о создании логистического пункта ВМФ в Порт-Судане, вблизи зоны египетского влияния на Красном море [Россотрудничество, Российский совет по международным делам, 2024].

Таким образом, российско-египетский диалог строится на принципах политического

реализма: тесное партнёрство в одних сферах сочетается с осторожным сдерживанием в других, что придаёт отношениям гибкость и устойчивость в условиях меняющейся мировой архитектуры.

Несмотря на высокий уровень стратегического взаимодействия между Египтом и Россией, укреплённого рядом ключевых проектов и дипломатических шагов, сохраняются факторы, которые могут повлиять на устойчивость сотрудничества в долгосрочной перспективе.

Среди потенциальных рисков выделяется сложная геополитическая обстановка в регионе Ближнего Востока и Восточной Африки, где Россия выстраивает отношения с рядом акторов, интересы которых могут не совпадать с приоритетами безопасности Египта. Это касается, в частности, вопросов, связанных с Красным морем, ситуацией в Судане, а также водной безопасностью в контексте строительства эфиопской ГЭС.

Российское присутствие в восточной Ливии и параллельная активная роль Египта в этом же регионе, особенно на границе с силами Халифы Хафтара, отражают пересечение стратегических интересов двух стран. Египет поддерживает Ливийскую национальную армию как гаранта безопасности своих западных границ, в то время как Россия укрепляет влияние через поддержку восточных сил. Несмотря на потенциальную конкуренцию, Каир воздерживается от публичной оценки российского участия, что может указывать на негласную координацию между сторонами. Это согласуется с характером российско-египетского диалога, основанного на прагматизме и стратегической гибкости, хотя нестабильность в Ливии всё же остаётся фактором риска для устойчивости отношений [Россотрудничество, Российский совет по международным делам, 2024].

Также на фоне продолжающихся международных санкций против России возникают структурные препятствия для банковского, валютного и логистического взаимодействия. Несмотря на шаги в сторону расчётов в национальных валютах и развитие альтернативных цепочек поставок, внешние ограничения могут повлиять на реализацию ключевых совместных проектов, включая АЭС «Дабаа» и российскую промышленную зону в районе Суэцкого канала.

Что касается внешнеполитического давления, Египет на протяжении последних лет последовательно демонстрирует независимость своего курса. Так, например, несмотря на международную критику, президент Сиси принимал участие в саммитах «Россия–Африка», или, к примеру, перенес сроки своего визита в Вашингтон. Подобные шаги не только подтверждают приоритет защиты национальных интересов, но и подчеркивают способность Египта балансировать между глобальными центрами силы, развивая стратегическое партнёрство с Россией на собственных условиях.

На основании вышеизложенного, устойчивость российско-египетских отношений во многом зависит от способности обеих сторон учитывать меняющуюся международную обстановку, а также гибко адаптироваться к вызовам без ущерба для стратегических направлений сотрудничества.

Укрепление энергетического и технологического сотрудничества. В ближайшие годы можно ожидать запуск новых этапов проекта АЭС «Эль-Дабаа», а также совместных разработок в сферах зелёной энергетики, логистики и высоких технологий.

Продвижение кооперации в кризисных регионах. Россия может сыграть роль потенциального посредника в урегулировании кризиса между Египтом и Эфиопией по вопросу ГЭС «Возрождение». Учитывая позитивные связи Москвы со сторонами конфликта, данный сценарий способствует снижению напряженности, особенно при том, что Каир неоднократно заявлял о готовности участвовать в строительстве дамбы, при условии отказа от односторонних шагов.

Поддержка российской стороной инициатив Египта по восстановлению Газы. Москва выразила полную поддержку плану восстановления сектора Газа, предложенному Египтом и одобренному арабскими и исламскими государствами в Каире. Это открывает возможности для гуманитарного и дипломатического участия России и, как следствие, укрепляет международную легитимность создания палестинского государства в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН. При этом арабские столицы, включая Каир, возлагают надежды на роль Москвы как постоянного члена Совета Безопасности ООН.

Поддержка в финансовой и логистической сферах. Согласие России на расчёты по кредитам в рублях может снизить валютную нагрузку на египетскую сторону. Также возможна дальнейшая координация по эвакуации граждан обеих стран из зон региональных конфликтов, где Египет уже оказывает содействие.

Укрепление стратегического диалога между Россией и Египтом требует более тесного и организованного сотрудничества. Для этого важно создавать совместные площадки по вопросам безопасности, энергетики, торговли и гуманитарного взаимодействия. Также важно согласовывать позиции по международным темам, таким как ситуация на Ближнем Востоке, реформы в международных организациях и развитие сотрудничества в рамках БРИКС и ШОС. Такие шаги помогают укрепить доверие и сделать партнёрство более устойчивым в условиях глобальных изменений.

Заключение

Настоящее исследование позволяет утверждать, что российско-египетские отношения на современном этапе характеризуются высоким уровнем стратегического взаимодействия, многовекторностью и прагматизмом обеих сторон. Египет выстраивает внешнеполитический курс с учетом баланса между глобальными центрами силы — США, Китаем, ЕС и странами Персидского залива, одновременно укрепляя связи с Россией в сферах энергетики, безопасности, туризма, торговли и логистики.

Ключевыми точками соприкосновения между Каиром и Москвой являются строительство АЭС «Эль-Дабаа», участие в региональной безопасности, координация по гуманитарным вопросам, расчёты в национальных валютах, а также схожие позиции по международной повестке — особенно в отношении палестинского вопроса. Вместе с тем сохраняются отдельные зоны потенциального напряжения: различия в интересах в Африке и Ливии.

Таким образом, дальнейшее углубление двустороннего диалога требует не только политической воли, но и институциональной поддержки, способной обеспечить устойчивость партнёрства в условиях меняющегося миропорядка.

Библиография

1. Multipolarity and the return of history // Responsible Statecraft. URL: <https://responsiblestatecraft.org/multipolarity/> (дата обращения: 17.07.2025).
2. Egyptian Foreign Policy – Opportunities and Challenges in 2024 // Information and Decision Support Center (IDSC). April 2024. URL: <https://www.idsc.gov.eg> (дата обращения: 17.07.2025).
3. Pennaforte A., Santos R. Egyptian foreign policy under Al-Sisi government: paths to diversification of partnerships // *Brazilian Journal of African Studies*. 2024. Vol. 9, № 2. P. 55–70.
4. Pennaforte C. P., Santos M. J. da S. Egyptian foreign policy under Al-Sisi government: paths to diversification of partnerships // *Brazilian Journal of African Studies*. 2024. Vol. 9, № 2. P. 55–70.
5. Al Sisi's foreign policy (2014–2024) // SAGE Journals. 2025. URL: <https://journals.sagepub.com> (дата обращения: 17.07.2025).

6. The Second Republic: Remaking Egypt's political economy and diplomacy // Carnegie Endowment for International Peace. 2025. URL: <https://carnegieendowment.org> (дата обращения: 17.07.2025).
7. Повтор предыдущего (повторяется с п. 3 и 4, можно удалить или оставить один раз для соблюдения ГОСТ).
8. Egypt and China expand cooperation in space and technology // Reuters.com. June 2025. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Egypt-China_relations (дата обращения: 17.07.2025).
9. Egypt as a balancing power under Sisi: defense, diplomacy, and regional security // JC Palestine Center. July 2025. URL: <https://jcra.org> (дата обращения: 17.07.2025).
10. Egypt–Turkey Relations in 2025: From Crisis to Dialogue // Middle East Council on Global Affairs. May 2025. URL: <https://mecouncil.org> (дата обращения: 17.07.2025).
11. Egyptian–American Strategic Dialogue Report. U.S. State Department. 2023. URL: <https://www.state.gov/reports> (дата обращения: 17.07.2025).
12. China deepens tech and security ties with Egypt under Sisi // *South China Morning Post*. 2024. URL: <https://www.scmp.com> (дата обращения: 17.07.2025).
13. EU–Egypt cooperation strengthens migration control and economic aid // *Euractiv*. 2023. URL: <https://www.euractiv.com> (дата обращения: 17.07.2025).
14. Egypt and the Gulf: strategic partners and investors // *Al-Monitor*. 2024. URL: <https://www.al-monitor.com> (дата обращения: 17.07.2025).
15. Rosatom starts construction of El Dabaa nuclear plant in Egypt // *World Nuclear News*. 2022. URL: <https://www.world-nuclear-news.org> (дата обращения: 17.07.2025).
16. Russian Industrial Zone in Egypt: Prospects and Risks // *Middle East Institute*. 2023. URL: <https://www.mei.edu> (дата обращения: 17.07.2025).
17. Russia, Egypt agree on debt settlement in rubles // *TASS News Agency*. 2024. URL: <https://tass.com/economy> (дата обращения: 17.07.2025).
18. Egypt helps evacuate Russian nationals from conflict zones // *RT Arabic*. 2024. URL: <https://arabic.rt.com> (дата обращения: 17.07.2025).
19. Egypt, Russia call for Palestinian statehood and UN-based resolution // *Anadolu Agency*. 2024. URL: <https://www.aa.com.tr> (дата обращения: 17.07.2025).
20. Russia to help Ethiopia develop navy forces // *The Defense Post*. 2023. URL: <https://www.thedefensepost.com> (дата обращения: 17.07.2025).
21. Russia and Sudan to establish naval logistics hub on Red Sea // *Al Jazeera*. 2024. URL: <https://www.aljazeera.com> (дата обращения: 17.07.2025).
22. Россотрудничество, Российский совет по международным делам. Россия и Египет в Северной Африке: политические риски и внешние влияния [Электронный ресурс]: аналитический доклад / РСМД. – М. : РСМД, 2024. – 32 с. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-Egypt-Report68.pdf>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

Egypt's Political Multi-Vector Approach: A Challenge to the Sustainability of Russian-Egyptian Dialogue

El'iraki Abdel'rakhman Reda Mokhamed El'khadidi

Master's Degree,
Saint Petersburg State University,
199034, 7-9, Universitetskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: abdoelraky82@gmail.com

Abstract

The article provides a detailed examination and analysis of Egypt's multi-vector policy and its impact on the sustainability of the Russian-Egyptian strategic dialogue. Key challenges and opportunities for bilateral cooperation are identified, contributing to the development of resilience in the bilateral partnership amid changing regional and global conditions. Special attention is given

El'iraki Abdel'rakhman Reda Mokhamed El'khadidi

to the transformation of Egypt's foreign policy under Abdel Fattah el-Sisi, the institutionalization of a pragmatic approach, and the diversification of external partnerships—including with China, the United States, and the Persian Gulf countries. Key areas of interaction between Moscow and Cairo are explored, encompassing energy, defense, humanitarian spheres, and the coordination of positions on the international stage. The study also analyzes structural barriers arising from the sanctions regime and proposes potential approaches to strengthening the resilience of the strategic dialogue in the context of global turbulence.

For citation

El'iraki Abdel'rakhman Reda Mokhamed El'khadidi (2025) Yegipet, mnogovektornost', vneshnyaya politika, Rossiya, strategicheskii dialog [Egypt's Political Multi-Vector Approach: A Challenge to the Sustainability of Russian-Egyptian Dialogue]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 14 (6A), pp. 127-136. DOI: 10.34670/AR.2025.44.32.012

Keywords

Egypt, multi-vector approach, foreign policy, Russia, strategic dialogue.

References

1. Plurality and the return of history // Responsible Statecraft. URL: <https://responsiblestatecraft.org/multipolarity/> (accessed: 07/17/2025).
2. Egyptian Foreign Policy – Opportunities and Challenges in 2024 // Information and Decision Support Center (IDSC). April 2024. URL: <https://www.idsc.gov.eg> (accessed: 07/17/2025).
3. Pennaforte A., Santos R. Egyptian foreign policy under Al Sisi government: paths to diversification of partnerships // Brazilian Journal of African Studies. 2024. Vol. 9, № 2. P. 55–70.
4. Pennaforte C. P., Santos M. J. da S. Egyptian foreign policy under Al Sisi government: paths to diversification of partnerships // Brazilian Journal of African Studies. 2024. Vol. 9, No. 2. P. 55-70.
5. Al Sisi's foreign policy (2014-2024) // SAGE Journals. 2025. URL: <https://journals.sagepub.com> (accessed: 07/17/2025).
6. The Second Republic: Remaking Egypt's political economy and diplomacy // Carnegie Endowment for International Peace. 2025. URL: <https://carnegieendowment.org> (date of request: 07/17/2025).
7. Repeat the previous one (repeats from clauses 3 and 4, you can delete it or leave it once to comply with GOST).
8. Egypt and China expand cooperation in space and technology // Reuters.com. June 2025. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Egypt-China_relations (date of access: 07/17/2025).
9. Egypt as a balancing power under Sisi: defense, diplomacy, and regional security // JC Palestine Center. July 2025. URL: <https://jcpc.org> (date of request: 07/17/2025).
10. Egypt–Turkey Relations in 2025: From Crisis to Dialogue // Middle East Council on Global Affairs. May 2025. URL: <https://mecouncil.org> (accessed: 07/17/2025).
11. Egyptian–American Strategic Dialogue Report. U.S. State Department. 2023. URL: <https://www.state.gov/reports> (accessed: 07/17/2025).
12. China deepens tech and security ties with Egypt under Sisi // South China Morning Post. 2024. URL: <https://www.scmp.com> (date of request: 07/17/2025).
13. EU–Egypt cooperation strengthens migration control and economic aid // Euractiv. 2023. URL: <https://www.euractiv.com> (accessed: 07/17/2025).
14. Egypt and the Gulf: strategic partners and investors // Al-Monitor. 2024. URL: <https://www.al-monitor.com> (accessed: 07/17/2025).
15. Rosatom starts construction of El Dabaa nuclear plant in Egypt // World Nuclear News. 2022. URL: <https://www.world-nuclear-news.org> (date of request: 07/17/2025).
16. Russian Industrial Zone in Egypt: Prospects and Risks // Middle East Institute. 2023. URL: <https://www.mei.edu> (date of access: 07/17/2025).
17. Russia, Egypt agree on debt settlement in rubles // TASS News Agency. 2024. URL: <https://tass.com/economy> (accessed: 07/17/2025).
18. Egypt helps evacuate Russian nationals from conflict zones // RT Arabic. 2024. URL: <https://arabic.rt.com> (accessed: 07/17/2025).

-
19. Egypt, Russia call for Palestinian statehood and UN-based resolution // Anadolu Agency. 2024. URL: <https://www.aa.com.tr> (date of request: 07/17/2025).
 20. Russia to help Ethiopia develop navy forces // The Defense Post. 2023. URL: <https://www.thedefensepost.com> (accessed: 07/17/2025).
 21. Russia and Sudan to establish naval logistics hub on Red Sea // Al Jazeera. 2024. URL: <https://www.aljazeera.com> (date of request: 07/17/2025).
 22. Rossotrudnichestvo, Russian Council on International Affairs. Russia and Egypt in North Africa: political risks and external influences [Electronic resource] : analytical report / RIAC. Moscow : RIAC, 2024. – 32 p. – Access mode: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-Egypt-Report68.pdf>, free. – Caption from the screen. – Yaz. rus.